

Эйлор Таргариен был изрядно удивлён, когда пришёл в сознание после короткой дезориентации и осознал, что оное сознание всё ещё существует в его теле. Почему он ещё жив? Как выжил?

Если в такой свалке тебя сбивают с ног — это конец. Любой оказавшийся рядом враг, даже самый бездарный, легко оборвёт твою жизнь, и будь ты хоть десять раз принцем в отличных доспехах, пробегающий мимо простолюдин вонзит кинжал в сочленение брони и пойдёт себе дальше. Поэтому, когда Эйлор приземлился в грязь и окровавленные группы позади Воина, он посчитал себя мертвым; не прибавляла уверенности в собственном выживании вражеская кавалерия, которая растапывала мертвецов вокруг него.

Однако холодная сталь так и не коснулась его шеи. И, едва Сумеречный Дракон поднял голову и осмотрелся, он буквально увидел причину того, почему ещё жив.

Аларик Лангвард начал профессионально учиться владению мечом с тех пор, как стал оруженосцем Эйлора. Однако и до этого он учился убивать и орудовать сталью, просто без чёткого понимания и дисциплины, но с несомненным талантом и страстью. Не огранённый алмаз, которому просто нужно было помочь раскрыть свой потенциал. Сумеречный Дракон и Барристан Смелый обеспечили долговязому юноше достойное обучение, и теперь их вложение окупалось десятикратно.

Оруженосец принца танцевал в пляске смерти, постоянно сбивал ритм, переходил от хитрых выпадов к грубым атакам. За долю мгновения он перехватил размахистый удар одного рыцаря, сделал подшаг к нему навстречу и буквально схватив руку с мечом за предплечье, после чего сделал ещё подшаг, сблизившись в упор, и вонзил кинжал подмышку; миг спустя, он выдернул мизерикордию из раны и метнул в следующего мужчину. Не попал. Но отвлёк на достаточный срок, чтобы поднять простенький, серый щит, меч, и сгруппироваться для следующего раунда.

Мальчик сражался как бешеный, ни на дюйм не отступая от своего наставника и друга, не позволяя стервятникам порвать упавшего Дракона.

Начавший было подниматься Эйлор замер в благоговейном ужасе: Аларик чуть согнул ноги в коленях, напрягся и выстрелил собой вперёд, когда понял, что не сможет остановить сразу четверых окружающих его рыцарей; он буквально в полёте отбил меч противника, сблизился в упор и... вонзил зубы в открытое лицо рыцаря. Тот завопил, когда лишился куса щеки и скулы, а затем закричал ещё пронзительней — меч Аларика вонзился в икроножную мышцу. Посчитав первого противника нейтрализованным, оруженосец с абсолютно невменяемым выражением лица крутанулся на месте и отбил выпад следующего рыцаря щитом, а в ещё двоих, подступающих сбоку, протяжно плюнул набранной в рот кровью, заставив тех сбавить шаг и рефлекторно закрыться от разлетевшихся бисеринок алой влаги.

«Я тоже так со стороны выгляжу, когда сражаюсь?..»

Мысленно встряхнувшись и отбросив прочь лишние размышления, Сумеречный Дракон присоединился к оруженосцу, которого, несмотря на всю его ярость и весьма странные

манёвры, потихоньку начинали теснить. Поскольку Эйлор потерял свой щит при падении, — не жалко, так как в нём застрял тяжелый кусок копья, — он не стеснялся использовать свой бронированный кулак в качестве второго оружия, а при крайней необходимости — в качестве щита, отклоняя сталь врага с помощью предплечья.

Какофония боя заполнила сознание, но каким-то образом, сквозь лязганье стали, вопли ярости и боли, пробился один определённый крик. Эйлор мгновенно обернулся к броду. Там, в центре бордово-алых вод, стояли Роберт Баратеон и Рейгар Таргариен, сбитые с коней, но ещё живые.

Воздух гудел от взмахов могучего боевого молота, и пронзительно свистел от взмахов клинка: два короля сошлись лоб в лоб в смертельном противостоянии.

Часть сознания Эйлора отметила, что большинство его людей оказалось отброшено назад к броду, едва ли не на родной берег... он, Аларик, и пара дюжин самых опытных рыцарей — вот, кто остался в живых на вражеском берегу и каким-то чудом продолжал держать оборону среди груд мёртвых и умирающих тел. К счастью, прибывали дорнийцы, и они же стягивали на себя резерв повстанцев, а также множество других воинов, которые вынужденно поворачивали и готовились встретиться с принцем Оберином Мартеллом.

Но основная часть сознания Эйлора сосредоточилась на Короле, который вступил в судьбоносную схватку. Предсказание Рейгара звенело в ушах. Ужас, что брат может оказаться прав, одолевал лорда Сумеречного Дола. С одной стороны, смерть Рейгара выгодна едва ли не всем. Как минимум — Семи Королевствам, которые будут избавлены от угрозы получить ещё одного Безумного Короля. Однако рациональные размышления были полностью вытеснены чувством опеки, безудержным желанием защитить родную кровь.

Не успев опомниться, Эйлор Таргариен бросился вперёд.

Он зарубил одного, трех, пятерых мужчин, едва заметив их лица, когда скрещивал клинки и оставлял умирать в багровой мешанине из крови и грязи. Единственное, что он действительно видел, это то, как король Железного Трона и мужчина, чью женщину он украл, ведут свою личную войну посреди войны гораздо большей, обмениваясь ударами в каком-то неестественном темпе.

Сумеречный Дракон не видел знаменитого рыцаря Королевской Гавани — Барристана Селми, но не находил в себе сил беспокоиться о человеке, едва ли не заменившему отца. Потому что был уверен, что легендарный, опытный воин, выживет. А вот брат... он вот-вот умрёт.

У алого брода, захлёбывающегося трупами, Эйлора встретил северянин с двумя топорами. Он был велик и силён, а также невероятно быстр для человека его комплекции. Пришлось временно отбросить беспокойство о родне и сосредоточиться на самом себе, потому что Сумеречный Дракон рисковал умереть, так и не добравшись до Короля. И риск был отнюдь не призрачный. Недооценив противника, Эйлор слишком резко сблизился с ним и едва не получил топором в лоб. Повезло, что вовремя успел затормозить и отпрыгнуть назад.

Северянин не дал Таргариену времени собраться с мыслями и набросился на него со шквалом ударов и рёвом, который посрамил даже Эйлора. Принц отступил назад, еле держась на ногах, отбивая, а зачастую уклоняясь от ударов. Сильно не хватало щита.

«Проклятье... нужно было подобрать какой-нибудь»

Как правило, щит использовался для защиты, но Эйлор имел на этот счёт своё собственное мнение и любил им атаковать. Но не в этот раз. Против северянина, — Бакета, — который идеально орудовал своими топорами, Эйлор использовал бы щит исключительно для обороны.

Отпрыгнув в сторону, Сумеречный Дракон едва не погиб, споткнувшись о труп, — или просто о раненого, не было времени разбираться, — и опустился на одно колено, когда северянин навис над ним. Подгадав момент, Эйлор нырнул в сторону и подтянул под себя ноги, быстро сгруппировался и отразил следующую атаку Бакета. Северянин тем временем свирепел всё сильнее, рычал, как бешеная собака, и неустанно атаковал принца, совершенно забыв о защите и сосредоточившись лишь на том, чтобы разделать Дракона перед собой на куски.

Способность хладнокровно оценивать ситуацию и свои шансы на победу — ключевое качество хорошего война. Эйлор понимал, что без щита не победит. И тогда он достиг точки бифуркации, времени принятия решения.

Он принял решение. Возможно, самое безрассудное за всю свою жизнь, которая наполнилась безрассудными решениями и поступками.

Когда Бакет вновь пошёл в атаку, он левый топор направил вниз, по ногам Эйлора, а правый занёс вверх, для размашистого удара в голову или грудь. Сумеречный Дракон проигнорировал левый топор. Он проигнорировал боль, что взорвалась в его ноге, и бросился вперёд, вкладывая всю силу и скорость в меч, направляя его в северянина.

Клинок принца вонзился в живот Бакета до крестовины, и лицо его в мгновение ока превратилось из разъяренного, в удивленное. Занесённый топор выскользнул из его правой ладони, когда ту свело судорогой; северянин немигающим взглядом смотрел на Эйлора сквозь козырек шлема. Повелитель драконов вынул меч и снова погрузил его, теперь в грудь здоровяка, в сердце. Бакет опустился на колени, всё ещё не отводя взгляда. В его тускнеющем взоре не было ни страха, ни ненависти, а только... одобрение, словно человек остался доволен боем и даже фатальный исход его нисколько не расстроил.

Когда тело северянина соскользнуло с клинка с тошнотворным звуком, Эйлор понял, что Бакет смирился со смертью. Впервые за всю свою долгую череду убийств, он почувствовал вину. Но лорд Сумеречного Дола не мог себе позволить предаваться меланхолии и отбросил подальше непрощенное чувство, после чего вмиг повернулся к своей изначальной цели.

Он замер.

Эйлор никогда в жизни не забудет то оцепенение, которое испытал, когда увидел шип молота Роберта Баратеона, вонзающегося в грудь его брата. Рубины, украшавшие доспехи короля Железного Трона, рассыпались по мелководью брода.

<http://tl.rulate.ru/book/80678/2732062>